

В то же мгновение Харе ощутил, как колоссальный поток силы хлынул по его руке. Ледяной, мертвенный холод волной прокатился по телу, словно пытаясь разорвать плоть изнутри, и юношу захлестнула невыносимая, разрывающая боль.

— Что... что происходит?

Тяжело дыша от невыносимой боли, Харе обратился к Сукуне.

Бешеная проклятая сила, заполнившая его существо, породила яростный вихрь. Все святилище и сама гора задрожали еще сильнее, грозя обрушиться в любой момент.

Опорные балки с громким треском лопались, готовые рухнуть в секунду. Находиться внутри было смертельно опасно. Наоя подхватил потерявшего сознание юношу и поспешил убраться прочь. А у подножия горы застыли все заколдованные жители деревни — связь с проклятым духом, подчинявшим их волю, оборвалась.

Из их тел начала сочиться фиолетово-черная проклятая сила, тонкой дымкой устремляясь вверх, к вершине, где стояло святилище.

Черная вода в колодце закружилась водоворотом. Гигантский проклятый дух, на котором держался Харе, забился в конвульсиях; его желеобразная туша непрерывно вздымалась и содрогалась от резких спазмов.

Сукуна с праздным любопытством наблюдал за происходящим изнутри.

— Призови меня, — вкрадчиво шепнул он.

«Вещь, которую сжимает этот мальчишка, наверняка проклятый объект, оставленный магом-проклинателем. Созданный из его собственной плоти и крови... Обычно лишь сам создатель может установить с ним связь и поглотить накопленную мощь»

«Но сейчас, если я не ошибаюсь, вся сила этого проклятого духа бурным потоком вливается в тело Харе»

«Поглотить такую скверну, да еще и подпитанную чужой верой — все равно что осквернить чужой алтарь. Его хрупкий сосуд просто не выдержит»

«В лучшем случае он уподобится тем безумным магам, что пали жертвой обратного удара собственной техники: истечет кровью, лишится рассудка и полностью переродится. А в худшем...»

Сукуна слегка прищурился, подперев подбородок рукой. Внезапно его взгляд прояснился, а

задумчивое выражение лица сменилось хищной, предвкушающей усмешкой.

«Постойте-ка. Если этот сопляк осквернится темной силой и обратится в безмозглое свирепое проклятие, я смогу полностью подчинить его волю. Звучит весьма заманчиво... С другой стороны, если он просто сдохнет, не выдержав напора, то и наша треклятая связь наконец-то прервется»

— Сукуна, явись...

Не успел Сукуна закончить мысль, как призыв выдернул его наружу. От резкого толчка судорожно бьющегося проклятого духа Харе не удержался на ногах и повалился прямо в его объятия.

Король проклятий с бесстрастным лицом опустил взгляд, а измученный юноша, хмурясь от боли, поднял голову. Хищные алые глаза встретились с влажными, пронзительно-синими. Оба застыли в молчании.

Сукуна молчал.

Харе тоже не находил слов.

— Я все слышал... Ты желал мне смерти...

С трудом сдерживая стон, Харе стиснул зубы. Заметив, что Сукуна стоит неколебимо, словно скала, он свободной рукой крепко обнял его за шею.

Чтобы не соскользнуть, юноша обхватил ногами его талию, намертво повиснув на Короле проклятий.

Сукуна опешил от такой наглости.

«Этот паршивец... он вообще помнит, что у меня на животе тоже есть рот?»

Когда безумная качка прекратилась и головокружение немного утихло, Харе наконец решился взглянуть на то, что сжимал в руке.

Это оказался окровавленный обрубок ногтя с остатками подсохшей плоти — зрелище указывало на то, что его вырвали заживо.

Вера, которую жители деревни преданно взращивали целый год, и собственная мощь проклятого духа соединились в этой жуткой реликвии, непрерывным потоком перетекая в тело

Харе. Юноша прекрасно понимал, что этот предмет ему не принадлежит. Почему же тогда чужая сила безропотно подчиняется ему?

«Сукуна ведь говорил, что стоит лишь вытащить скрытый внутри артефакт, и проклятие спадет. Почему все пошло наперекосяк? Этот мерзавец опять мне соврал?»

Харе попытался сосредоточиться, но всепоглощающая боль лишила его способности мыслить. Разум заволакивала сонная дымка, а онемевшие конечности, которыми он обвивал Сукуну, задрожали от усталости.

— Ты еще здесь? — донесся до него сквозь пелену глухой голос Сукуны.

«Ишь чего захотел, — подумал Харе. — Ждет не дождется, когда я превращусь в безмозглую тварь!»

Собрав остатки воли, юноша упрямо процедил сквозь зубы:

— Мечтать не вредно... Тебе придется смириться... Готовься всю жизнь... быть моей послушной собачкой...

Не дав ему закончить эту дерзость, Сукуна бесцеремонно схватил его за талию и попытался отпихнуть от себя.

— Тогда проваливай! — холодно бросил он.

— А-ах... — жалобно вскрикнул Харе.

От грубого прикосновения боль вспыхнула с новой силой, и его ослабевшие руки и ноги сами собой разжались. Однако не успел он соскользнуть на холодную землю, как сильные руки перехватили его поперек спины, бережно прижав обратно к широкой груди.

— Хм, ходячее недоразумение, — недовольно проворчал Сукуна.

Харе лишь тихо, надрывно простонал, полностью навалившись на него и бессильно уронив голову на плечо. Его горячее, прерывистое дыхание обжигало шею Сукуны, а тихие, жалобные звуки щекотали слух, словно мягкий кошачий хвост.

— Сукуна... мне так плохо...

Едва слышно пробормотал Харе, в полузабытьи инстинктивно ища защиты у своего спутника.

Проклятый предмет словно прирос к ладони — как бы юноша ни старался, разжать пальцы не получалось. Ему не оставалось ничего другого, кроме как беззащитно принимать ледяные потоки чужой скверны.

Сила прибывала слишком быстро. На бледной коже Харе начали проступать крошечные капли темной, густой крови.

Боль терзала каждую клеточку тела, но сквозь эти муки вдруг пробилось дикое, неестественное желание рассмеяться во весь голос. Грудь распирало то от слепой, всепоглощающей ярости, то от уязвимой обиды — безумно хотелось, чтобы его просто крепко обняли и пожалели.

Веки налились свинцом. Харе с трудом приоткрыл глаза и заметил колыхание розоватых волос, которые в его замутненном сознании вдруг слились с образом белоснежных прядей Годжо Сатору. Ему показалось, что он снова маленький, в его теплых руках.

— Папа... не оставляй меня... — прошептал он, возвращаясь в забытые детские грезы.

— Цыц! — Сукуна недовольно нахмурился и, бесцеремонно схватив юношу за подбородок, заставил взглянуть на себя. — Смотри на меня, малявка. С чего ты взял, что я стану играть в твоих родителей? Еще раз назовешь так — полетишь вниз!

Лицо Короля проклятий выражало крайнюю досаду; чужое имя из уст Харе явно задело его за живое.

Голова Харе безжизненно откинулась назад. На зов он с трудом разомкнул веки, но его взгляд блуждал, не способный сфокусироваться. Он смотрел прямо на Сукуну, но ничего не видел. Из приоткрытого рта на грубые пальцы проклятия лениво стекала теплая слюна, смешанная с каплями темной крови.

Вдруг зрачки юноши дернулись, зацепившись за багровое свечение в глазах Сукуны. Лицо Харе исказилось безумной гримасой, и он разразился диким, истеричным хохотом.

— Ха-ха-ха... Всех убью! Слышишь? Живого места не оставляю!..

— Сдохните! Стереть все в порошок!

— Ха-ха... А ты еще кто такой? Чего уставился, ублюдок? Я и тебя прикончу! Слышишь?!

Он выкрикивал эти бессвязные угрозы, а Сукуна лишь молча наблюдал за его безумием.

Лишившись последних крупиц проклятой энергии, гигантское тело духа сморщилось, усохло и

с сухим треском лопнуло, осыпаясь мертвыми ошметками. Черная жижа из колодца хлынула наземь, увлекая за собой остатки ветхого святилища. Ледяной поток окатил Харе с ног до головы, на мгновение вернув ему ясность рассудка.

Юноша растерянно моргнул, глядя на Сукуну.

— Опять ты меня за лицо хватаешь?

Сукуна одарил его долгим, нечитаемым взглядом и спокойно убрал руку.

— Слушай меня внимательно, — негромко произнес он.

Они стояли на самом дне разрушенного колодца. Рухнувшие стены обнажили ночное небо, и холодный ветер со свистом метался среди верхушек деревьев.

Снегопад продолжался, но теперь снежные хлопья были чисты, без следа ядовитых спор. Белые крупички ложились на плечи юноши, заставляя его сильнее прижиматься к теплему телу Сукуны.

Заметив, как присмирел его спутник, Сукуна опустил взгляд и продолжил:

— Твои слабые мозги вот-вот расплавятся от этой скверны, но у меня есть способ избавить тебя от мук.

— Когда мы были в моей врождённой территории, я понял, что могу поглощать твою силу. Вкус оказался недурен, так что я не против забрать излишки, которые сейчас разрывают тебя изнутри. Но взамен ты выполнишь одно условие: найдешь все мои пальцы и поглотишь их...

Низкий, рокочущий голос Сукуны разносился в ночной тишине, но до воспаленного разума Харе доносились лишь обрывки фраз: «...поглотить тебя... вкус недурен... не сможешь вынести... все мои пальцы... войдут внутрь...»

В голове Харе воцарился полный хаос.

«Что?.. Пальцы? Войдут внутрь?»

«Это как вообще?»

«Что этот урод собрался делать со своими пальцами?!»

«Откуда столько пошлости?!»

Юноша оцепенел, его взгляд вновь затуманился. Губы невольно приоткрылись, обнажая острые белые клыки, и он уставился на шевелящиеся губы Сукуны со странным, диким предвкушением.

<http://bllate.org/book/19043/1951770>